

Оглавление

Алексей Кузнецов. “Я дошел до такой точки, после которой я уже не мог работать”	11
--	----

Бабий Яр

К читателям	23
Вступительная глава. Пепел	35

Первая часть

<i>Советская власть кончилась</i>	43
<i>Грابتь чертовски интересно, но нужно уметь</i>	55
Итак, мы в этой новой жизни	59
От автора	86
К вопросу о рае на земле	89
Крещатик	99
Приказ	112
Бабий Яр	123
Глава воспоминаний	145
1. <i>Людоеды</i>	145
2. <i>Кто принес елочку</i>	147

3. Горели книги	151
4. Пионерия	156
5. Если завтра война	159
6. Бей жида-политрука	162
7. Второй Царицын?	164
8. Болик пришел	169
Глава подлинных документов	172
По немецкому времени	177
Горели книги	183
Голод	187
Я делаю бизнес	192
Болик пришел	197
Харьков взят	200
Дарница	205
Прекрасная, просторная, благословенная земля	215
[Киево-Печерская лавра]	223
Ночь	231

Вторая часть

Человек живет, чтобы есть	237
Враги народа	246
Раненые на лестнице	250
Бизнес становится опасным	260
Смерть	266
День рождения Гитлера	278
В Германию	286
От автора	293
Благословенной земли нет	298
Чрезмерные умники — враги	306
Зацвела картошка	313

Футболисты “Динамо”. Легенда и быль	322
От автора	328
Бабий Яр. Система	330
Дед-антифашист	345
<i>Осколки империи</i>	348
Убить рыбу	356
Глава подлинных документов	362
Среди облав	367
Как из лошади делается колбаса	374
<i>Людоеды</i>	384
Мне очень везет в жизни, я не знаю, кого уж за это благодарить	386

Третья часть

Побег из молчания	395
Горит земля	401
Бабий Яр. Финал	409
[От автора]	430
Киева больше не будет	434
1. Когда грохот пушек прекрасен	434
2. Города оставляются без препятствий со стороны врага	438
3. Величие Дегтярева	439
4. Попадаюсь — не попадаюсь	442
5. Страшная ночь	444
6. Шли массы людей	447
“Война миров”	451
Профессия — поджигатели	456
Сколько раз меня нужно расстрелять?	462
Пять ночей и пять дней агонии	465

Глава из будущего	493
1. Пропавшие без вести	493
2. Необходимая щепка истории?	494
3. <i>Миллион рублей</i>	497
4. <i>Горели книги</i>	501
5. Бабарик сидит	503
La commedia é finita	508
Глава последняя, современная. [Уничтожение пепла]	514

Избранные выступления на радио “Свобода”

Беседа 1. Вступительная	527
Беседа 10. Труд писателя там и здесь	535
Беседа 18. Страх	543
Беседа 19. Из моего опыта агитатора	550
Беседа 24. Ясная Поляна и КГБ	557
Беседа 25. Голод	564
Беседа 32. Эффект закрытой двери	571
Беседа 36. Рождение одного анекдота. Часть 1	578
Беседа 37. Рождение одного анекдота. Часть 2	585
Беседа 38. Рождение одного анекдота. Часть 3	592
Беседа 40. О насилии	598
Беседа 43. Им не интересно	605
Беседа 57. Организованность	612
Беседа 71. Совесть. Часть 1	619
Беседа 72. Совесть. Часть 2	626
Беседа 73. Совесть. Часть 3	633
Беседа 74. Совесть. Часть 4	640
Беседа 75. Совесть. Часть 5	647
Беседа 97. Двуличие	654
Беседа 117. Самовзвинчивание	661

Беседа 135. Преступление в Виннице. Часть 1	668
Беседа 136. Преступление в Виннице. Часть 2	674
Беседа 205. “Поднятая целина”	680
Беседа 207. Откуда они берутся?	686
Беседа 217. Размышления о книге	693

Алексей Кузнецов

*“Я дошел до такой точки,
после которой я уже не мог
работать”*

Это слова моего отца, писателя Анатолия Васильевича Кузнецова, произнесенные им в августе 1969 года в эфире “Радио Свобода”. Сегодня они слышатся мне лишь слабым отголоском тех событий, которые разом перевернули его и мою жизнь, разделив ее на “до” и “после” его эмиграции в августе 1969 года.

В конце 60-х Анатолий Кузнецов считался в СССР одним из самых ярких, талантливых и прогрессивных литераторов, одним из “отцов-основателей” так называемой “исповедальной прозы”. Его роман-документ “Бабий Яр” стал едва ли не самым крупным событием в советской литературе того времени. В основу романа легли записи, которые в детстве будущий писатель вел тайком от всех, стараясь запомнить все, что происходило с ним в оккупированном Киеве. Его рассказ “Артист миманса”, опубликованный в 1968 году в “Новом мире”, сравнивали с гоголевской “Шинелью” и “Бедными людьми” Достоевского. Его книги выходили огромными тиражами, переводились на множество языков, по ним ставили спектакли и снимали фильмы.

И вдруг: “Я дошел до точки...”

И вдруг — отчаянное, авантюрное бегство, клеймо “невозвращенца”, глухое раздражение и показное непонимание коллег по писательскому цеху, шепот в коридорах Центрального Дома литераторов: “Ну чего ему не хватало?..”

А затем — практически полное забвение, искоренение из истории, вытапывание памяти о нем. Тогда казалось — навеки.

Но вот пришли 80-е годы, грянула перестройка, и постепенно в литературный обиход стали возвращаться запрещенные имена: Солженицын, Галич, Бродский, Некрасов, Аксенов, Войнович, Гладылин, Владимов... всех не перечить.

А вот Анатолия Кузнецова словно бы и не было. Его имя так и оставалось скрытым неким странным флером молчания — в том числе и среди прогрессивной “перестроечной” общест-венности.

В 1989 году молчанием обошли его 60-летие.

В 1991-м, когда отмечалось 50-летие страшных событий в Бабьем Яре, мне удалось провести два творческих вечера памяти отца. И если в Киеве, на его и моей родине, вечер прошел с огромным вниманием прессы и общественности, то в Москве, в ЦДЛ едва набралось ползала тех, кому была интересна эта фамилия. Пользуясь случаем, хочу еще раз поблагодарить тех, кто тогда пришел и помог мне вспомнить Анатолия Кузнецова — Олега Табакова, Владимира Лазарева, Марию Озерову, Игоря Минутко, Юлиана Панича. А многие — не пришли.

Тогда же, в 1991-м, “Бабий Яр” впервые был издан в СССР в полном виде — не в том, изуродованном советской цензурой в середине 60-х, а таким, каким хотел видеть его отец, каким он издал его в 1970 году на Западе. И вновь — тишина в прессе, словно и не было 100-тысячного тиража в “Советском писателе”. Да и сейчас интерес к творчеству отца заметен скорее на Украине. В 2008 году там был впервые в истории опубликован перевод “Бабьего Яра” на украинский язык, который я сделал лет за десять до этого — и долгое время не мог его издать, потому что в украинской культуре “не было интереса”, как говорили в разных издательствах. В 2009 году в Киеве на Курневке будет поставлен памятник отцу работы талантливого скульптора Владимира Журавеля. В Музее Великой Отечественной войны будет отмечаться его 80-летие. В России же широкого интереса к творчеству и личности Анатолия Кузнецова по-прежнему, на мой взгляд, нет.

Этот странный “заговор молчания”, конечно, не был таким уж “непробиваемым”. В нескольких журналах вышли вос-

поминания о нем, опубликованы некоторые его письма. На “Радио Свобода”, где я имею честь работать, я делал несколько программ, посвященных его памяти. Но по-настоящему частью литературного процесса и литературной истории страны творчество Анатолия Кузнецова еще назвать сложно.

В чем же причина этой непонятной на первый взгляд тенденции?

Мне представляется, таких причин три. По-человечески они вполне объяснимы.

Во-первых, совершенно очевидно, что Анатолий Кузнецов стал невольной жертвой своей творческой манеры — а именно “исповедальности”. Предельная откровенность, честность не только перед самим собой, но и перед читателями, разумеется, в советское время никак не приветствовалась. Ни одна из его книг — ни одна! — не дошла в СССР до читателя в том виде, в каком она была задумана и написана. Это, конечно, не было единичным явлением — в таких условиях жили и работали все советские писатели. Но кто-то вполне комфортно уживался с этим, принимая цензуру как неизбежное зло, кто-то уходил в переводы, в так называемую “внутреннюю эмиграцию”, лишаясь при этом возможности публиковать свои произведения. А кто-то — и Анатолий Кузнецов в их числе — счел для себя возможным эмигрировать по-настоящему.

Способ он избрал, надо сказать, неординарный. В командировку в Лондон в августе 1969 года отец был отправлен накануне 100-летия Ленина. Он заявил, что пишет роман о II съезде РСДРП. Этот съезд частично проходил в Лондоне, и отец в творческой заявке написал, что ему необходимо побывать на месте событий, постоять на могиле Карла Маркса на Хайгейтском кладбище, поработать в библиотеке Британского музея, где в свое время трудился Ленин, словом — “прочувствовать атмосферу”. Что ж, план его удался — прогрессивный писатель был командирован в британскую столицу, где он тут же ушел от своего “опекуна” и попросил политического убежища.

Отчаянная злоба обманутых советских чиновников выплеснулась на страницы печати с такой силой, что этот мутный поток захлестнул тогда и тех отцовских друзей и коллег, которые внутренне готовы были ему посочувствовать и даже посме-

яться втайне над околпаченными “большевиками”. Имя отца было так старательно вычеркнуто из всех советских анналов, что инерция этого вычеркивания сохранилась и тогда, когда советская власть приказала долго жить.

Это — первая формальная причина. Она была бы легко-преодолима, если бы не две последующие.

Вторая также связана с “исповедальностью” Анатолия Кузнецова. Вскоре после “невозвращения”, летом 1969 года, в английской газете “Санди Телеграф” было опубликовано интервью, данное им известному лондонскому журналисту и будущему своему коллеге по работе на радио Дэвиду Флойду. Желая избавиться от лжи, которая окружала его всю прошлую жизнь, наивно и немного по-детски веря, что, попав в нормальное общество, он может говорить правду безо всяких ограничений, Анатолий Кузнецов подробно и обстоятельно рассказал о своих связях с КГБ, о том, как с ним работали, как его вербовали, как он дал формальное согласие на сотрудничество, лишь бы ему позволили выехать за границу.

История простая: не пойман — не вор. А признался — получи клеймо доносчика, а заодно и “изменника”.

От него отвернулись даже некоторые левые деятели Запада, которые до появления книг Солженицына с охотой подвергали сомнению всю ладно выстроенную советскую систему воздействия на людей. В частности, в жесткую полемику с Анатолием Кузнецовым вступил Артур Миллер. Кроме того, резкие высказывания отца о либеральной интеллигенции в СССР также вызвали полемику и неприятие его взглядов и поступков. Наиболее известен заочный спор отца с Андреем Амальриком, спор, в котором пределы корректности преодолевались сторонами с легкостью — в полемическом запале, конечно.

Наиболее порядочная часть оставшихся в стране деятелей литературы и искусства главным доводом считала возможность внутренней свободы, для отца же существование в таких условиях было неприемлемо. Вопрос этот не разрешен и до сих пор, но некоторая “рассерженность” на Анатолия Кузнецова жива и по сей день. Именно его, кажется, вывел Василий Аксенов (увы, я пишу эти строки в день похорон Василия Павловича на Ваганьковском кладбище в Москве) в своем романе “Ожог” под

именем скульптора Серебро, и подобный взгляд на проблему там выражен наиболее точно и ясно.

Что уж и говорить о менее порядочных коллегах-писателях! Не секрет, что огромное большинство из них подвергались вербовке КГБ, и многие, согласившись, работали не формальности ради, чтобы отвязались, а искренне и со всем возможным рвением. Не секрет, что выезд за рубеж тогда для писателя почти автоматически означал сотрудничество с “органами”. И вот один из их коллег честно признался в таком сотрудничестве — признался, чтобы на своем примере привести тяжелые и страшные доказательства невозможности жить по-старому, а также потребности жить в соответствии с тогда еще не выведенной Солженицыным чеканной формулой — не во лжи. Казалось бы, всем, кто подобно отцу хоть раз в жизни согласился на такое сотрудничество, надо было бы устыдиться, поняв, что все тайное обязательно станет явным!

А вышло наоборот: многие из тех, чья стукаческая деятельность была секретом Полишинеля, громче всех закричали “Держи вора!”, прекрасно продолжая при этом ездить в зарубежные командировки и поражая соотечественников произведениями, написанными по мотивам этих поездок. Надо ли называть их имена? Надо ли говорить о том, что они, оказавшись после перестройки в прекрасной форме, продолжили свое участие в творческом процессе и предпочли забыть человека, чье честное признание стало для них вечным укором? Право же, повезло многим, что отец умер в 1979 году после третьего инфаркта, не дожив всего двух месяцев до 50-летия. А так.. что ж: не стало человека — не стало и проблемы с совестью. Потому-то так легко его и забыли, заклеив “пособником КГБ” — его, человека, о чьей смерти до сих пор шепчутся как о результате тайной деятельности советских “ниндзя”.

Но и эта причина — еще не самая главная. Наверное, важнее все же другое. Все авторы-эмигранты, постепенно вернувшиеся в литературную жизнь страны, в эмиграции, как говорится, продолжали свое дело. То есть — писали книги. Можно обсуждать их достоинства и сравнивать уровень литературы — но при наличии “объекта обсуждения”. То есть — собственно литературного творчества. Случай же с Анатолием Кузнецо-